

Рубрики

- [Печатные СМИ](#)
- [Телевидение](#)
- [Радиовещание](#)
- [Интернет-журналистика](#)
- [Экономика СМИ](#)
- [Теория СМИ и массовой коммуникации](#)
- [Социология СМИ и массовых коммуникаций](#)
- [Право СМИ](#)
- [Техника СМИ](#)
- [Массмедиа зарубежных стран](#)
- [Реклама и PR](#)
- [Медиаконвергенция](#)
- [История массовых коммуникаций](#)
- [История литературы и публицистики](#)
- [Медиастилистика](#)
- [СМИ и культура](#)
- [Журналистское образование](#)
- [Научные доклады](#)
- [Рецензия](#)

[Home](#)

Выпуск №1. 2015г. Шмагун Олеся Валентиновна
История массовых коммуникаций

Nikolay Shebuev in the Petrogradskiy Listok Newspaper

Шмагун Олеся Валентиновна

аспирантка кафедры истории русской журналистики и литературы факультета журналистики МГУ имени Ломоносова, olesya.shmagun@gmail.com

Olesya V. Shmagun

PhD student at the Chair of History of Russian Literature and Journalism, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, olesya.shmagun@gmail.com

Аннотация

В статье рассказывается о периоде работы известного журналиста Николая Шебуева в малой газете «Петроградский листок». В революционном 1917 г. в этой газете, основной аудиторией которой были городские низы – дворники, лакеи, извозчики, работали многие видные журналисты. В сложное переломное время они пытались разговаривать с малообразованной публикой, Николай Шебуев – один из них.

Ключевые слова: малая газета, Николай Шебуев, газета дворников и лакеев, февральская революция, Октябрьская революция.

Abstract

The article tells its readers about a famous journalist Nikolay Shebuev working in the minor newspaper Petrogradskiy Listok in 1917. Yard-keepers, lackeys and cab drivers were the core audience of this newspaper. But in revolutionary 1917 some well-known and respected journalists came to work in the Petrogradskiy Listok. It was a mission – to talk to the poorly educated audience, try to explain to them the new realities of Russia. Nikolay Shebuev was one of the journalists who went all the way from the February Revolution to the October Revolution with the audience of this publication.

Key words: minor newspaper, Nikolay Shebuev, newspaper for yard-keepers and lackeys, the February Revolution, the October Revolution.

В 1905 г. журналист Николай Шебуев прогремел на всю Россию со своим «Пулеметом». Так назывался сатирический журнал, который Шебуев начал издавать в 1905 г. Санкт-Петербург в то время переживал бум подобных изданий: их вызвала к жизни первая русская революция, а любая революция не обходится без обвинений и обличительства, основным оружием которых всегда был смех. На улицы города выплеснулись около четырехсот тонких, со злыми и смешными карикатурами журналов и журнальчиков. И все-таки «Пулемет» запомнился всем.

Первый номер «Пулемета» увидел свет 13 ноября 1905 г. На последней странице обложки был напечатан Манифест 17 октября без каких-либо правок или сокращений. На Манифесте был изображен кровавый отпечаток ладони. Подпись под рисунком гласила: «К сему листу свиты его величества генерал-майор Трепов руку приложил».

«Пулемет» выстрелил прямо в цель – по царю и по генерал-майору Д.Ф. Трепову, жестко усмирившему революционные силы в Петербурге. По свидетельству очевидцев, царь был настолько раздосадован чтением журнала, что скомкал и бросил его на пол. На следствии был представлен именно этот номер, сильно помятый¹. Автор и создатель «Пулемета» Николай Шебуев был осужден и провел год в Петропавловской крепости.

После того как журналист вышел из Петропавловской крепости, о его карьере было известно не так много: Большая советская энциклопедия кратко перечисляет романы, написанные им уже после революции и гражданской войны, Краткая литературная энциклопедия сообщает, что после революции Шебуев работал в советской печати, писал сценарии для цирка и эстрады. Тем интереснее было обнаружить фамилию Николая Шебуева на страницах газеты «Петроградский листок». Спустя 12 лет, во время новой революционной волны, яркий участник первой русской революции оказался в редакции «Уличного листка», старейшей газеты так называемого малого типа, издававшейся в Петербурге с 1861 г. (до 1914 г. – «Петербургский листок»).

О чем писал Шебуев в революционный 1917 г.? Какие темы затрагивал в разговоре с такой специфической аудиторией, которая была у «Петроградского листка»? В чем видел цель работы в подобном издании?

Газета дворников и лакеев

О «Медиаскопе»

- [Редакционный совет](#)
- [Авторам](#)
- [Контакты](#)
- [Архив](#)

Search this site:

«Петроградский листок» – одно из старейших изданий так называемого малого типа. Первый номер газеты, которая тогда называлась «Петербургский листок», появился в 1863 г.

Исследователи журналистики начала XX в. выделяли три типа газет: «большие» – самые дорогие и влиятельные, рассчитанные на образованные, подготовленные круги читателей; «малые» – газеты, небольшие по объему и более доступные по цене, ориентированные на широкие круги читателей; «дешевые» – газеты, отличающиеся от других не только низкой ценой, но и качеством².

На самом деле грань между «малыми» и «дешевыми» газетами определить сложно. По двум типологическим факторам – аудитории и качеству материалов – они мало чем отличались друг от друга. И те и другие газеты подвергались критике со стороны исследователей и русских журналистов, работавших в больших газетах и серьезных журналах.

«Пяти- и четырехрублевые газеты приспосабливаются уже на всякую потребу, стараясь больше всего о разнообразии содержания, а специально уличные листки, с их совершенно особой разухабистостью, сенсационными заглавиями, описанием убийств и уголовными романами, имеют в виду городскую полу-интеллигенцию, до приказчиков, швейцаров и дворников включительно...»³, – пишет журналист Н.С. Кривенко.

А вот что пишет, например, в марте 1913 г. А.И. Соколова, мать одного из самых известных журналистов того времени, «короля фельетона» – В. Дорошевича: «Мелкая пресса сыграла в истории русской периодической печати ту же роль, какую сыграла оперетка в мире театрального искусства. Она в конце развратила ее и отняла у нее ореол нравственной власти и умственного нравственного влияния, какие она имела на общество»⁴. (Любопытно, что сама писательница сотрудничала с «Московским листком» и «Новостями дня», которые принадлежали как раз к такому типу газет).

Подобные взгляды на малую прессу, сформировавшиеся в дореволюционное время, в советское время только укрепились. Так, А.Н. Боханов относил газеты «Петербургский листок», «Московский листок», «Биржевые ведомости», «Новости дня» к изданиям, «которые главное внимание обращали на пикантно-развлекательные сюжеты, всячески избегали серьезных тем повседневной жизни, проповедовали крайний аполитизм и были рассчитаны на оболванивание читателей»⁵.

А вот что пишет уже конкретно про «Петроградский листок» известнейший журналист начала XX в. Александр Амфитеатов. «Какая это была газета! "Петроградский листок" еще в 1917 году – любимый уличный орган дворников, швейцаров, извозчиков, мелких лавочников и другого подобного темного люда, включая сюда и часть рабочих, настроенную сочувственно к династии Романовых и православной церкви»⁶.

Интересно, что в этом органе довелось работать и самому Амфитеатову. После октябрьской революции 1917 г., когда практически все независимые издания были закрыты большевиками, «Петроградский листок» остался одним из последних меньшевистских изданий в Петрограде. Амфитеатов рассказывает, что как-то они, новые сотрудники, предложили издателю печатать газету на бумаге лучшего качества, но издатель наотрез отказался: «Гнусная-то она гнусная, – подтвердил издатель, – но не обижайтесь, господа, если я вам скажу по секрету, что добрая треть нашей публики покупает "Листок" совсем не ради прекрасных сочинений, которые вы в нем печатаете, а ради вот именно этой гнусной бумаги... Потому что рабочий и мастеровой человек газету сперва читает, а потом из нее цигарку вертит, – ну и за "Листком" имеется уже многолетняя слава на этот счет, что для цигарок лучше его бумаги нет»⁷.

До последнего времени исследователи почти не интересовались подобными изданиями, видимо принимая на веру оценку своих предшественников, считая малые газеты неинтересным объектом для изучения. Впрочем, в последнее время наметилась тенденция к переоценке роли и значения массовых газет. Результаты исследований показывают, что пренебрежительное отношение к уличным листкам не совсем справедливо⁸.

Редакция «Петроградского листка»

Итак, кто же составлял редакцию «Петроградского листка» до и после Октябрьской революции 1917 г.? Вот что пишет Амфитеатов: «До революции о "Петроградском листке" почиталось неловким даже упомянуть в порядочном обществе. Появление литератора с именем на его столбцах было невозможно, как некое неприличное чудо»⁹. Впрочем, после октябрьского переворота все изменилось. «Уцелевший дольше своих соседей, благодаря своей черносотенной¹⁰ публике, этот ничтожный и презираемый "Петроградский листок" торчал над всеобщим потоком журналистики как одинокий крошечный островок. И подобно зверям, бегущим от наводнения, собрались и столпились на нем всевозможные живые обломки распущенных редакций, исчезнувших изданий. Во главе газеты стал видный литератор, популярный и заслуженный критик А.А. Измайлов»¹¹.

Тут необходимы пояснения. Амфитеатов путает факты: Измайлов пришел в газету гораздо раньше Октябрьского переворота, более того – еще до Февральской революции. Он стал главным редактором издания в 1916 г., и уже с этого времени в издании начинают собираться серьезные авторы. Таким образом, приход в газету хороших авторов и уважаемого редактора не связан с Октябрьской революцией и отсутствием другой работы.

Александр Измайлов, главный редактор газеты с 1916 г. до ее закрытия в августе 1918 г., начал свою карьеру как беллетрист, был известен как литературный и театральный критик. Представляют и сегодня научный интерес составленные им биографии известных писателей А. Чехова и Н. Лескова.

«Петроградский листок» он называл газетой с «распивочной физиономией»¹² и согласился прийти туда только при условии, что ему позволено будет «провести реформы» – «олитературить» газету.

Перед тем как согласиться на должность редактора, Измайлов обращался за советом к коллегам-литераторам. Об этом свидетельствует письмо А.С. Лазаря-Грузинского от 11 апреля 1916 г.: «Петроградский листок отлично знаю, когда-то даже работал там по предложению Иванова-Классика, с великой неохотой, и при первой возможности бросил там работу <...> С точки же зрения – Ваше ли это дело – задумываться не над чем: роль редактора, конечно, Ваша»¹³.

Вместе с редактором в газету пришли такие известные журналисты, как Николай Брешко-Брешковский – сын «бабушки русской революции» Е.К. Брешко-Брешковской. В газете работал Андрей Ефимович Зарин, редактор «Звезды», «Живописного Обозрения» и других периодических изданий. Зарин известен как писатель: в 1890-е гг. он опубликовал «бытовые» повести и романы («Тотализатор», «Дочь пожарного», «Серые герои» и др.), посвященные жизни городских низов и получившие благожелательные отзывы критики.

На страницах издания в 1917 г. выступают менее известные в настоящее время журналисты: Зайкин, Исаев, Зрячий (И.Н. Герсон), Тиун (согласно словарю псевдонимов И.Ф. Масанова за этим псевдонимом скрывался В.Ф. Боцяновский). Несколько псевдонимов постоянных авторов «Петроградского листка» расшифровать не удалось: Флер, Блерио, Наблюдатель, Ведун.

Набор тем типичен для любой общественно-политической газеты того времени: война, подоходный налог, сухой закон, правительственные указы, «министерская чехарда», очереди, дефицит товаров. А после Февраля – революция, новое устройство государства, работа Временного правительства.

В газете появляются и сообщения о пожарах, о пикантных любовно-детективных историях, но они занимают отнюдь не большую часть газеты. Язык, на котором журналисты разговаривают с аудиторией, – хороший русский язык, простой, без сложных терминов, без сложных лексических и грамматических конструкций. Но не уличный, не язык «лакеев и дворников».

В среднем в газете восемь полос. После введения монополии на объявления, количество полос сократилось до четырех. По четвергам и воскресеньям до революции издавалось иллюстрированное «прибавление».

Для «Петроградского листка» характерна такая схема освещения актуальных событий: сначала информация о нем появляется на последних полосах просто как констатация факта: например, американский президент Вильсон и союзные страны обменялись нотами по поводу действий в Первой мировой войне. В следующих номерах газеты это событие осмысливается в аналитических статьях, колонках или юмористических жанрах: смешных иллюстрациях с подписями, в юмористических стихах.

«Мир в огне и Содоме,
Но приятнейший сон
У себя в Белом доме
Видит папа-Вильсон»⁴.

По нашему мнению, газета не пыталась «приспособиться на всякую потребу», а, напротив, в какой-то степени пыталась поднять общий уровень читателей до себя. Журналисты осознанно брали на себя роль просветителей массовой аудитории, что было особенно актуально и необходимо в переломный год российской истории – об этом они пишут в личной переписке¹⁵ и говорят со страниц газеты.

Журналист Николай Шебуев играл в этом не последнюю роль.

Шебуев – журналист и писатель

Николай Георгиевич Шебуев родился в 1874 г. в селе Шигалево Казанской губернии в семье профессора математики, литературной деятельностью начал заниматься с 1892 г. Подробнее о том, с какими изданиями сотрудничал журналист, можно прочитать в Краткой литературной энциклопедии¹⁶.

Сведения о биографии Шебуева довольно отрывочны, хотя при жизни он был востребованным журналистом и писателем. Творчество Шебуева никогда не было предметом исследования. Мы предпринимаем первую попытку проанализировать его творчество в газете «Петроградский листок» в сложный для страны период – с января 1917 г. по август 1918 г.

В «Петроградский листок» Шебуев пришел, по всей видимости, вместе с Александром Измайловым. Он вел в газете рубрику «Дневник» – достаточно популярный в то время журналистский жанр. К жанрообразующим признакам дневника исследователи относят: синхронность – фиксацию событий «по горячим следам»; субъективность – проявление авторской оценки; дискретность – фрагментарность записей; датируемость – фиксацию точного времени записи; регулярность – некоторое постоянство ведения записей, не регламентируемое жестко автором¹⁷.

Шебуев писал в своем «Дневнике» и об общественно-политических событиях, и о событиях, не связанных с политикой: много внимания уделял театру, которым живо интересовался, вступал в разговор с читателями, отвечая на их письма или освещая темы, которые читатели просили его раскрыть.

Шебуев, издатель нескольких юмористических журналов, автор памфлетов, юмористических картинок и стихов, в своем «Дневнике» в газете «Петроградский листок» выступает как серьезный публицист. Тематика его «Дневника» менялась по мере развития политических событий в стране. Рассмотрим основные темы и приемы журналиста Шебуева на страницах «Петроградского листка» более подробно.

Выше мы определили основные характеристики, которые приписывали малым газетам исследователи журналистики и уважаемые журналисты из крупных изданий начала XX в.: они «опускаются» до

своего малообразованного читателя, они черносотенные и лакейские. Попробуем увидеть, действительно ли публикации Шебуева в «Петроградском листке» соответствуют этим мнениям.

В статье от 11 января 1917 г. Шебуев рассказывает о похищении документов из государственного архива: «... а между тем те исторические документы, из которых состоит наш архив, – величайшая драгоценность. Это народное достояние. Наше и детей наших. <...> Это – кристаллы истории. Это – самоцветные камни позабытых бытов»¹⁸.

В газете «дворников и лакеев» на первых полосах статьи о ценности архивов и старины: «Трогательно волнует мое сердце даже самая потемнелость бумаги, даже самая закоптелость иконы, даже самая почернелость красок картин»¹⁹.

Трудно согласиться, что Шебуев «опускается» до своей публики. Вряд ли дворники и швейцары, открывая свое любимое издание, ожидали увидеть там статьи о ценности архивов. Но, может быть, прочитав «Дневник», закуриив сигарку, скрученную из этой же газеты, они задумывались о чем-то новом для себя.

В «Дневниках» Шебуева часто появляются заметки о правых силах, но с позиций, неожиданных для газеты, имеющей славу черносотенной.

«Рука берущего не оскудеет!

Это понял правый депутат П.Ф. Мерщий и стал брать и направо и налево.

Прежде всего, он взял подряд – с кого же и взять во время войны правому, как не с солдата.

“Он далеко, он не услышит”.

Ему было доверено 100 тыс. комплектов оборудования для солдат!

Если от каждого комплекта украсть только по одному аршину, это даст 100 000 аршинов сукна.

<...> Эти версты были сэкономлены Мерщим в свою пользу, благодаря своей правизне, проворству рук и “ловкости края”»²⁰.

Мы видим, что Шебуев не только не занимает черносотенную позицию, а, напротив, рассматривает принадлежность к правым силам как отягчающее обстоятельство, если не как дополнительный состав преступления. «Правый всегда прав» – игра слов, которую Шебуев употребляет всякий раз, когда пишет о злоупотреблениях ультраправых.

Исследователи часто называли «Листки» монархическими изданиями. В последние предреволюционные месяцы Шебуев ни в одном из своих «Дневников» не писал об императоре или об императорской семье. Но в его статьях есть несколько колких замечаний про «чехарду министров». В рецензии на спектакль «Тук-Тук» Шебуев рассуждает о том, что незаметно российская политика в сложное военное время все больше напоминает легкую оперетку с легкомысленными любовными интригами и вечной комедией положений.

«Н.К. Михайловский одну из своих серьезнейших статей начал:

“Дзень-ля-ля!

Дзень-ля-ля!..

Это просится на сцену оперетка,

В нашу государственную жизнь тоже все время врывается оперетка.

Эти превращения в величину из простого смертного в 24 минуты, эти возвраты к прежнему в 24 секунды, эти министры, входящие и исходящие, эти “калоши счастья” (да-да, чем не название для дипломатическо-политическо-министерской оперетки... <...>

В оперетке много блесков министерского остроумия. И вообще она смотрится легко. А посмотришь – тяжело станет. Уж чересчур много в политике из оперетты”»²¹.

Шебуев в общем-то не так уж много пишет о политике, прежде всего его интересуют человеческие нравы – их он пытается изучить и проанализировать. Например, один из его «Дневников» посвящен «карточникам».

«Знаете ли вы, кому живется весело, вольготно на Руси? – Карточникам. Не картежникам – карточникам. Карточниками называют в клубах сторожей, которые получают 80 рублей жалования и заведуют колодами карт.

Получая 80 рублей жалования, они зарабатывают тысячи (десятки, а иногда – сотни тысяч) рублей тем, что ссужают на день-два проигравшихся.

Картежники играют, т.е. то выигрывают, то проигрывают. А карточник следит, и если хороший барин проигрался до калаш, предлагают ему на отыгрыш тысячу-другую.

Хороший барин, если с легкой руки карточника отыграется, в тот же вечер возвращает карточнику долг, с приложением сотни-другой. А если опять проигрывается, то по обычному праву клубов вернет карточнику завтра. Конечно, с еще более солидной премией»²².

Шебуев рассказывает про Митрофанюча – карточника в одном из популярных клубов Петрограда, который за несколько лет сколотил состояние в полтора миллиона рублей. Митрофанюча может себе позволить угостить всех гостей клуба шампанским: «50 бутылок! – по нынешним меркам целое состояние!»²³

В этот новый год Митрофаных сам изрядно напился и принял приглашение своих знакомых – гостей клуба, то есть дворян, сесть с ними за один стол. Это вызвало возмущение руководства клуба.

«Дежурный старшина еще не дорос до понимания, что

И "человек – человек!"

И грубо, и в обидных, роняющих достоинство выражениях, приказал Митрофану "не забываться" и немедленно встать.

Митрофаных, как я уже заметил, немного намяк и по пьяному делу, а может быть, внезапно протрезвев и почувствовав себя оскорбленным не как "человек", а как человек, ответил дежурному старшине резко, но веско...». <...> Вот, господа читатели, постарайтесь сами сделать вывод из этого бытового рассказа. Подивитесь, как легко даются деньги в наше время некоторым категориям тружеников! Милая, дивная страна Аравия! Однако как черны руки твоих граждан!»²⁴

Подобный персонаж, лакей, легко разбогатевший в сложное военное время, часто появляется на страницах газеты. Он вызывает у авторов почти такое же презрение, как человек, посаживающий бесчисленные тысячи в ресторанах, или мародер, поднимающий цены на товары первой необходимости.

Эта статья Шебуева довольно сложная и многоуровневая – вроде бы Митрофанушка, зарабатывающий таким способом, вызывает презрение. Но этого лакея унижает другой – и мы невольно сочувствуем ему. С другой стороны, судя по всему, герой возражает против такого с собой обращения только потому, что «намяк», а в обычных условиях он вполне бы согласился с мнением старшего. В общем, ни один из героев этого маленького бытового рассказа не вызывает добрых чувств. Читатель может сделать любой вывод, как и советует ему Шебуев, оставляя открытый конец, но очевидно, что «презираемый» «Петроградский листок» в лице журналиста не разделял «лакейскую» мораль своих читателей из лакеев.

Разброс тем в «Дневниках» Шебуева достаточно широкий: он пишет о том, что интересует его в данный момент, а это может быть громкое судебное дело или юбилей известного актера; он описывает интересные городские истории или пишет о том, как встречал Новый год. Темы его статей могут быть привязаны к какому-то громкому информационному поводу. Например, во время суда над госпожой Болотиной, который широко освещался в СМИ (она облила серной кислотой любовницу своего мужа), он поднимает вопрос о жизни детей в несчастливых семьях. Но статьи Шебуева могли идти вразрез с тем, что в данный момент было актуально и обсуждалось, он мог отвечать на вопросы читателей о незаконных детях или рассказать, как прошел юбилей любимого театрального актера, или описать последние дни любимого писателя, который недавно скончался.

Шебуев о Февральской революции

Как отнесся Николай Шебуев к Февральской революции 1917 г.? Как практически каждый представитель интеллигенции – с радостью и ликованием. Для него Февральская революция – это логическое завершение революции 1905 г. Он рассматривает те 12 лет, которые прошли со времени выпуска Высочайшего Манифеста 17 октября, как время не прекращающейся борьбы с царским режимом. Сколько лет тысячи людей прилагали усилия по изменению политического строя, и наконец-то это произошло!

«Я теперь стал каким-то именинником. Вокруг вспоминают, что я был первым журналистом, который попал в тюрьму за революцию 1905 года. Поздравляют»²⁵. Но первый послереволюционный дневник Шебуева посвящен не только радости и ликованию, но и опасениям и призывам.

«Десять лет тому назад я сидел в одной из прославленных, ныне разгромленных тюрем. Было скучно и грустно и не о чем в стену стучать. Я ждал, что вот сейчас придет на новое дежурство "благодетель". И тогда будет, о чем постучать. "Благодетелем" мы называли тюремного надзирателя, который снабжал нас газетой. Он понимал, что лишение газеты для политических борцов такая же пытка, какую в участках и застенках "фараоны" для вырывания "чистосердечного признания" жадут»²⁶. Так начинается свою первую статью в постреволюционном «Петроградском листке» Шебуев. Несмотря на радость и ликование, которое вызвала Февральская революция, Шебуев сразу почувствовал опасность, которую она несла. Вновь сформированный Союз рабочих и солдатских депутатов опять, как и в 1905 г., препятствовал выходу газет, и с 25 февраля по 5 марта в Петрограде ни одна газета не была напечатана²⁷. Да, для рабочего движения Февральская революция тоже стала продолжением революции 1905 г. – лидеры левых движений использовали свои старые методы (например, приостановку выпуска газет) и свои старые требования, хотя, казалось бы, на этот раз победа демократических сил в стране была окончательной и теперь бороться надо было не против самодержавия, а за новое, более справедливое обустройство общества. По мнению Шебуева такие действия Союза опасны и пагубны для революции.

«И глухие негодующие звуки побежали по стенам, по потолкам, по трубам духового отделения. Жаловались на союз печатного дела, который свою деятельность в самое боевое для Руси время начал как раз с того, с чего и Куропаткин. Тот говаривал:

"Японцы нас пулеметами да броненосцами. А мы их молебнами да молебнами".

А союз печатного дела:

"Правительство нас пулеметами да пулеметами, виселицами, военными положениями, тюрьмами да арестами. А мы его – праздничным отдыхом да праздничным отдыхом. Молчанием да молчанием"»²⁸.

Шебуев выражает уверенность, что у всех слоев общества одни и те же цели, одно и то же ликование, которое могут омрачать только люди, которые не понимают сути происходящего. «И бежит лживое и

провокационное и набрасывает тень сомнения на несомненное, истинное, бодрое. И растет смута. И в эти дни, которые должны быть днями величайшей ясности»²⁹.

Шебуев просит рабочих правильно распорядиться свободой, которую обрела страна после Февральской революции. Конечно, Шебуев, как и другие журналисты издания, не может удержаться от наивно-восторженных высказываний о свершившемся событии. Вот, например, воображаемый разговор с Рублем.

«– Ну, а вам, гражданин Рубль, вероятно, не по вкусу то, что происходит вокруг? Я вижу, что вы недовольны...

– С чего это вы взяли?

– Ну вы ни чуточки не покраснели... Такой же желтый, как прежде...

– Покраснеть я физически не могу... У меня желтуха... Желчь разлилась еще при Вышнеградском [министр финансов России 1888–1892 гг. – *О.Ш.*], когда немец Бисмарк хвастался, что доведет меня до 45 копеек. После этого я лечился-лечился... при Бунге [министр финансов России 1881 – 1886 гг. – *О.Ш.*] был второй припадок. А потом, при Вавельбергах [семья Вавельбергов – влиятельные банкиры Санкт-Петербурга. – *О.Ш.*] – всякое несчастье России они учитывали в свою пользу... И я все желтел... Желтуха у меня... А внутри – я доволен... Да и можно ли быть недовольным: ведь золото подешевело на 2 рубля на золотник!...»³⁰ И далее в том же духе гражданин Рубль убеждает Шебуева, что революция пошла ему только на пользу.

Последние годы войны рубль стремительно падал, его покупательная способность к февралю 1917 г. составляла 27 довоенных копеек, а при Временном правительстве падение стало еще более стремительным. К октябрю 1917 г., покупательная способность национальной валюты опустилась на уровень 6–7 довоенных копеек³¹. Конечно, Шебуев еще не знал, с какими трудностями придется столкнуться Временному правительству: постоянно растущие требования рабочих поднять зарплату, резкое, в десятки раз, падение производительности труда, провал «Заема свободы». В самом начале революции все были полны надежд. И все-таки Шебуев не мог не понимать, что революция и неопределенность – не лучшие условия для укрепления государственной финансовой системы. И в такой ситуации плохие ожидания, слухи и страхи только усугубляют ситуацию. Его разговор с рублем, по всей видимости, игровой способ убедить читателей, сомневающихся и опасаящихся, что свержение монархии – положительный фактор для российской финансовой системы.

Ключевым и, возможно, самым болезненным вопросом в период с февраля по октябрь 1917 г. был вопрос войны и мира. Парадокс в том, что интеллигенция хотела революции и отстранения династии от управления государством, в том числе из-за слухов о сепаратном мире, которые упорно ходили по Петрограду практически с самого начала войны. Об этом подробно пишет исследователь С.П. Мельгунов в книге «Легенда о сепаратном мире». Для интеллигенции мир с Германией означал реакцию, глава кадетской партии Милюков представлял себе положение дел примерно таким образом: «В противовес “прогрессивному блоку” и всей стране, желающей победоносного окончания войны, образовался другой блок – “черный”, в состав которого входят германофильская придворная военная партия, меньшинство Совета министров в лице Горемыкина и Хвостова и правые крылья обеих законодательных палат. Основная цель заключения “черного блока” – заключение сепаратного мира, который наиболее отвечает личным интересам его членов. Для германофильской партии, связанной тесными кровными и национальными узами с германской военной аристократией, сепаратный мир не только поддержание вековых связей и положения при Дворе, но и укрепление царствующей династии, которой в случае победы четвертого согласия грозит умаление прерогатив»³².

Эту точку зрения разделяли, по всей видимости, все сторонники партии. Шебуев придерживался таких же взглядов, это видно из его статей. Он выражает удивление и возмущение, что после полного разгрома черного блока, после устранения династии Романовых в Петрограде с новой силой раздались призывы к сепаратному миру. Теперь уже не в виде слухов и легенд, а вполне открыто со страниц большевистских газет.

«До сих пор во мне радость старого республиканца омрачалась печальными вестями о тучах пораженчества, которые будто бы нависли над родиной.

Не верилось, чтобы “Правда” не за свой личный крикливый риск смела провозгласить от имени всего пролетариата и солдатства русского те самые подлые, изменнические идеи, которыми были мерзки Распутин, Воейков и их покровительница. <...> Опоздай революция на два дня, и не было бы нам свободы, и жили бы мы по-прежнему в царстве: свершилась бы мечта Дубровиных, Протопоповых, Воейковых, Распутиных, Маркова Второго – сквозь открытый фронт вошел бы к нам триумфатор Вильгельм и железной рукою укоренил бы еще на десятки лет изгнанный трон и изгнанный дом Романовых»³³.

Шебуев последовательно выступает за войну до победного конца. Эта тема настолько волновала автора, что он готов был обманываться насчет общественного мнения о войне. Например, Шебуев пишет, что петроградские солдаты были настроены на продолжение войны, даже силой закрывали газеты, которые ставили под сомнение необходимость продолжать войну до победного конца. А на каком-то митинге в городе солдаты чуть не разорвали женщину, которая кричала «Долой войну!». Среди разных представлений сегодня наиболее распространены несколько иные. Солдаты в Петрограде панически боялись отправиться на фронт, поэтому готовы были поддержать любые политические силы, которые обещали им этого не делать³⁴.

Говоря о войне, Шебуев не раз использует смелый прием: он вкладывает слова в уста молчащих солдат. Например, описывая митинг в память о погибших в ходе Февральской революции, Шебуев пишет, что солдаты были молчаливы, но они кричали этим молчанием, и рассказывает, о чем же они молчали: «...весь немецкий народ состоит из Вильгельмов, из которых каждый мечтает вырвать у

русского рабочего кусок хлеба. <...> Нам нужны снаряды! Немедленно наладьте заводы и фабрики, которые вы расшатали постыдной безработицей в то время, когда работа – долг каждого, в ком есть капля русской крови и русского смысла. Заткните глотку крикунам, которые кричат, чтобы перекричать, захватить власть и сесть на шею вам же, слепые товарищи! Немедленно за станки!»³⁵

Шебуев снова использует тот же прием, что в воображаемом интервью с рублем: вкладывает в чужие уста те слова, которые хотел бы услышать. Но все-таки это слова журналиста Шебуева, а солдаты на том митинге молчали. И, как показывает история, молчали они совсем о другом.

Октябрьский переворот

Николай Шебуев был последовательным критиком большевиков. Владимир Ленин, выступавший против войны и призывавший закрыть все газеты, кроме большевистских, был для Шебуева главной политической угрозой.

В первой же своей статье о Ленине Шебуев называет его антихристом. Он вообще не стесняется в выражениях: «Мы гадливо захлебываемся и от речей присланного нам Вильгельмом в запломбированном вагоне раззсеченного эсдека – небольшого большевика Ленина, занявшего, как подобает гастролеру, апартаменты балетной дивы и оттуда с балкона³⁶ выкрикивающего всем на диво свое оправдание измены, предательства и продажности!»³⁷

Шебуев пытается иронизировать над большевиками: «Большевики все кричат “Долой!” – “Долой войну – это буржуазная затея! Долой все газеты, кроме нашей “Правды”, все они буржуазные! Долой Временное правительство! Оно из буржуев! Долой Плеханова! Он буржуй!” Приехал Ленин (“Над большевиками большевик. Ихний дедушка”) и тоже кричит – “Долой большевиков! Это смердящий труп!”»³⁸. Видимо, имеется в виду противостояние Ленина и некоторых членов партии, выступивших против апрельских тезисов: сначала Ленина не поддерживали ни Троцкий, ни Зиновьев, ни Сталин. Но скоро становится понятно, что просто иронизировать над большевиками и Лениным не получится. Разногласия в партии были преодолены, к тому же оказалось, что не так уж очевиден ответ на вопрос, за кем пойдет народ. И тогда риторика Шебуева несколько поменялась:

«Два вреднейших человека сейчас на Руси – Николай Романов и Владимир Ленин. Первый опасен, хотя и молчит – опасен как знамя контрреволюции, которая может быть во имя него поднята. Второй опасен тем, что кричит и тем, ЧТО кричит! Потому что поднимает знамя контрреволюции. Да, гражданская война, правед, пугачевщина – все, к чему печатно призывает Ленин, есть контрреволюция во имя анархии. И что ужаснее – контрреволюция во имя монархии или анархии – большой вопрос»³⁹. Понятно, что для человека с такими взглядами, Октябрьская революция была трагедией, крахом России. Но как раз после Октября риторика газеты по отношению к большевикам меняется.

Редакция «Петроградского листка» разделяла взгляды Шебуева на большевиков. По свидетельству Амфитеатрова, главный редактор газеты Александр Измайлов «ненавидел большевиков до кровомщения, но напуган ими был до паники и чуть не падал в обморок при каждом слове, уязвлявшем торжествующих олигархов лжекоммуны прямо и открыто. Сберечь газету от закрытия как можно дольше было его главной задачей да и требованием издателей»⁴⁰. Главное было – сохранить газету, иметь возможность говорить со своей аудиторией.

Таким образом, после захвата власти большевиками Шебуев уже не мог позволить себе называть Ленина антихристом и вступать в открытую полемику с политикой власти, но этот переход от нападок к мягким упрекам был постепенным. Первые послеоктябрьские номера «Петроградского листка» не сохранились ни в Российской государственной библиотеке, ни в Государственной публичной исторической библиотеке России. Там можно найти газеты начиная с 8 ноября по старому стилю: к этому времени большевики были у власти уже две недели. В газете от 8 октября на первой же полосе размещена статья «Ленин – Троцкий – Пуришкевич» без подписи автора, в которой говорится о том, что большевики подосланы в Россию Вильгельмом для дестабилизации обстановки; что не удалось сделать с помощью черносотенных шпионов, Германия пытается сделать с помощью большевиков. «Они вершат судьбу России и своими декретами уничтожают революцию». В том же номере, цитируя газету «Дело народа», «Петроградский листок» утверждал, что власть большевиков признает только кучка матросов и солдат.

Журналисты еще надеются, что большевики откажутся от курса на диктатуру пролетариата после того, как начнет заседать Учредительное собрание. 4 января накануне первого заседания Учредительного собрания появляется первая послеоктябрьская статья под именем Шебуева – это «Дневник» с подзаголовком «Из записной книжки». Журналист публикует коротенькие «анекдотики» о большевиках. Он называет Ленина «главкросридст» – то есть «главком совета с [солдатских. – О.Ш.] и р [рабочих. – О.Ш.] депутатов», сравнивает лидера большевистской партии с бывшим Императором:

«Николай “мы, божьей милостью самодержец”.

Ленин: “мы, народной милостью, самодержец”.

Оба лгуны – один богохульствует, другой народохульствует»⁴¹.

Но после разгона Учредительного собрания и с ужесточением внутренней политики журналисту приходится быть осторожным. Первая его статья после разгона начинается цитатами из Библии: «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими.

Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть царство небесное...»⁴². Кажется, что Шебуев нашел способ говорить в настоящий момент – цитатами из Библии, ибо цензура зверствует. Но оказывается,

что автор просто описывает редакцию, разгромленную во время обыска: повсюду летали листки православного календаря, оставленного в редакции для рецензии и порванного большевиками. Заканчивается статья такими словами: «Читаю дрожащий, охваченный мистическим трепетом. Благочестивой жутью. <...> Господи, прости им! Они не ведают, что творят! Господи, как допустил ты, чтобы духовная цензура год тому назад, только год, только год, год назад имела силу укрывать от темных людей твой свет мира! Господи, ускорь то время, когда не под сапожищами ног, а в сердцах зацветут, запоют и заалеют цветы Твоего учения!»⁴³

Газета «Петроградский листок» просуществовала до августа 1918 г., пока не была закрыта большевиками как газета буржуазная и контрреволюционная. Шебуев работал там до закрытия. Он продолжал писать об арестах, расстрелах, просчетах в политике большевиков, пытаясь не вступать с ними в прямую конфронтацию, пока цензурная тьма для «Петроградского листка» не сгустилась окончательно.

1. См. об этом: Махонина С. Я. 1917 год в зеркале русской прессы и воспоминаниях современников. М., 2009. С. 34. (Makhonina S.Ya. 1917 god v zerkale russkoy pressy i vospominaniyakh sovremennikov. Moskva, 2009. S. 34.)
2. Махонина С.Я. История русской журналистики начала XX века: учеб. пособие. М., 2004. С. 126. (Makhonina S.Ya. Istoriya russkoy zhurnalistiki nachala XX veka: ucheb. posobie. Moskva, 2004. S. 126.)
3. Кривенко С.Н. Газетное дело и газетные люди // Русская мысль. 1905. № 10. С. 3–7. (Krivenko S.N. Gazetnoe delo i gazetnye lyudi // Russkaya mysl'. 1905. № 10. S. 3–7.)
4. Соколова А.И. Встречи и знакомства // Исторический вестник. 1913. № 3. (Sokolova A.I. Vstrechi i znakomstva // Istoricheskiy vestnik. 1913. № 3.)
5. Боханов А.Н. Буржуазная пресса России и крупный капитал. Конец XIX в. 1914 г. М., 1984. С. 132. (Bokhanov A.N. Burzhuaznaya pressa Rossii i krupnyy kapital. Konets XIX v. 1914 g. Moskva, 1984. S. 132.)
6. Амфитеатров А.В. Жизнь человека, неудобного для себя и для многих: в 2 т. М., 2004. Т. 2. С. 211. (Amfiteatrov A.V. Zhizn' cheloveka, neudobnogodlya sebya i dlya mnogikh. Moskva, 2004. T. 2 S. 211.)
7. Там же. (Tam zhe.)
8. Там же. (Tam zhe.)
9. Громова Л.П. «Малая пресса» в социокультурном пространстве России XIX века // Русская литература и журналистика в движении времени. Ежегодник 2013. М., 2014. С. 32. (Gromova L. P. «Malaya pressa» v sotsiokul'turnom prostranstve Rossii XIX veka // Russkaya literatura i zhurnalistika v dvizhenii vremeniye Ezhegodnik 2013. Moskva, 2014. S. 32.)
10. Уличные листки, малые газеты часто пользовались славой черносотенных изданий. Считалось, что городские низы – дворники, лакеи, извозчики, составляющие основную аудиторию таких газет в большинстве своем придерживаются черносотенных взглядов. Подобное мнение разделял не только А.В. Амфитеатров. См. об этом напр.: Махонина С.Я. 1917 год в зеркале русской прессы и воспоминаниях современников. М., 2009), Впрочем, такое отношение не всегда соответствовало действительности. «Петроградский листок», по крайней мере в 1917 г., трудно отнести к черносотенным изданиям, вопреки мнению А.В. Амфитеатрова. (Makhonina S.Ya. 1917 god v zerkale russkoy pressy i vospominaniyakh sovremennikov. M., 2009.)
11. Амфитеатров А.В. Указ. соч. С. 211. (Amfiteatrov A.V. Ukaz. soch. S. 211.)
12. Александров А.С. Измайлов – критик. Прозаик, журналист: дис... канд. филол. наук. СПб, 2008. С. 61. (Aleksandrov A.S. Izmaylov – kritik. Prozaik, zhurnalist: dis... kand. filol. nauk. Sankt-Peterburg, 2008. S. 61.)
13. Цит по: Александров А.С. Указ. соч. С. 60. (Aleksandrov A.S. Ukaz. soch. S. 60.)
14. Лебедев. Американский Манилов // Петроградский листок. 1917. № 11. С. 2. (Lebedev. Amerikanskiy Manilov // Petrogradskiy listok. 1917. № 11. S. 2.)
15. См. об этом: Александров А.С. Указ. соч. С. 61. (Aleksandrov A.S. Ukaz. soch. S. 61.)
16. Краткая литературная энциклопедия. М., 1962–1978. Т. 9: Аббасзадэ Яхутль. 1978. С. 793. (Kratkaya literaturnaya entsiklopediya. Moskv., 1962–1978. T. 9: Abbaszade – Yakhutl'. 1978. S. 793.)
17. Чулюкина М.Г. Дневник как жанр публицистики: предметно-функциональные особенности: дис... канд филол. Казань, 2009. С. 51. (Chulyukina M.G. Dnevnik kak zhanr publitsistiki: predmetno-funktsional'nye osobennosti: dis... kand filol. nauk. Kazan', 2009. S. 51.)
18. Шебуев. Дневник // Петроградский листок. 1917. № 10. С. 2. (Shebuev. Dnevnik // Petrogradskiy listok. 1917. № 10. S. 2.)
19. Там же. (Tam zhe.)
20. Шебуев. Дневник // Там же. 1917. № 16. С. 2. (Shebuev. Dnevnik // Tam zhe. 1917. № 16. S. 2.)
21. Шебуев. Дневник // Там же. 1917. № 8. С. 2. (Shebuev. Dnevnik // Tam zhe. 1917. № 8. S. 2.)
22. Шебуев. Дневник // Там же. 1917. № 9. С. 2. (Shebuev. Dnevnik // Tam zhe. 1917. № 9. S. 2.)
23. Там же. (Tam zhe.)
24. Там же. (Tam zhe.)
25. Шебуев. Дневник // Петроградский листок. 1917. № 58. С. 1. (Shebuev. Dnevnik // Petrogradskiy listok. 1917. № 58. S. 2.)
26. Шебуев. Дневник // Там же. 1917. № 57. С. 2. (Shebuev. Dnevnik // Tam zhe. 1917. № 57. S. 2.)
27. См. об этом: Махонина С. Я. 1917 год в зеркале русской прессы и воспоминаниях современников. (Makhonina S. Ya. 1917 god v zerkale russkoy pressy i vospominaniyakh sovremennikov.)
28. Шебуев. Дневник // Петроградский листок. 1917. № 57. С. 2. (Shebuev. Dnevnik // Petrogradskiy listok. 1917. № 57. S. 2.)
29. Там же. (Tam zhe.)

30. Шебуев. Дневник // Петроградский листок. 1917. № 63. С. 2. (Shebuev. Dnevnik // Petrogradskiy listok. 1917. № 63. S. 2.)
31. История России с 1917 до 1945 гг.: учеб. пособие / С.П. Боброва, О.Е. Богородская, Г.А. Будник, Т.В. Королева, А.С. Сироткин / Под общей ред. Г.А. Будник. Иваново, 2008. С. 68. (Istoriya Rossii s 1917 do 1945 gg.: ucheb. posobie / S.P. Bobrova, O.E. Bogorodskaya, G.A. Budnik, T.V. Koroleva, A.S. Sirotkin / Pod obshchey red. G.A. Budnik. Ivanovo, 2008. S. 68.)
32. Мельгунов С. П., Легенда о сепаратном мире. Канун революции. М., 2006. С. 204. (Mel'gunov S. P., Legenda o separatnom mire. Kanun revolyutsii. Moskva, 2006. S. 204.)
33. Шебуев. Дневник // Петроградский листок. 1917. № 64. С. 2. (Shebuev. Dnevnik // Petrogradskiy listok. 1917. № 64. S. 2.)
34. См. об этом напр.: Диунов М.С. Тыловые гарнизоны русской армии в 1917 году: по материалам губерний Верхнего Поволжья: дис... канд. историч. наук. Ярославль, 2002. С. 4. (Diunov M.S. Tylovye garnizony russkoy armii v 1917 godu: po materialam guberniy Verkhnego Povolzh'ya: dis... kand. istorich. nauk. Yaroslavl', 2002. S. 4.)
35. Шебуев. Дневник // Петроградский листок. 1917. № 69. С. 2. (Shebuev. Dnevnik // Petrogradskiy listok. 1917. № 69. S. 2.)
36. Группа большевиков в 1917 г. самовольно захватила особняк балерины Матильды Кшесинской, там разместились редакции газет «Правда» и «Солдатская правда», в этом доме работал В.И. Ленин, с балкона он произносил свои политические речи.
37. Шебуев. Дневник // Петроградский листок. 1917. № 87. С. 2. (Shebuev. Dnevnik // Petrogradskiy listok. 1917. № 87. S. 2.)
38. Шебуев. Дневник // Там же. 1917. № 84. С. 2. (Shebuev. Dnevnik // Tam zhe. 1917. № 84. S. 2.)
39. Шебуев. Дневник // Там же. 1917. № 92. С. 2. (Shebuev. Dnevnik // Tam zhe. 1917. № 92. S. 2.)
40. Амфитеатров А.В. Указ. соч. С. 211. (Amfiteatrov A.V. Ukaz. soch. S. 211.)
41. Шебуев. Дневник // Петроградский листок. 1918. № 2. С. 2. (Shebuev. Dnevnik // Petrogradskiy listok. 1917. № 2. S. 2.)
42. Шебуев. Дневник // Там же. 1918. № 5. С. 2. (Shebuev. Dnevnik // Tam zhe. 1917. № 5. S. 2.)
43. Там же. (Tam zhe.)